

**Полное собрание сочинений
князя П.А. Вяземского**

том VIII

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
П51

П51 Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского: том VIII / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 528 с.

ISBN 978-5-517-95559-3

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1883 года

ISBN 978-5-517-95559-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Много скучныхъ людей въ обществѣ, но вопрошатели для меня всѣхъ скучнѣе. Эти жалкіе люди, не имѣя довольно ума, чтобы говорить пріятно о разныхъ предметахъ, но въ то же время не желая прослыть и нѣмыми, дожидатъ поминутно вопросами къ стати или не къ стати сдѣланными, о томъ ни слова. Не можно-ли ихъ сравнить съ бутошниками, которые ночью спрашиваютъ у всякаго прохожаго: кто идетъ? единственно для того, чтобы показать, что они тутъ. Вольтеръ, встрѣтася однажды съ извѣстнымъ охотникомъ до пустыхъ вопросовъ, сказалъ ему: очень радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть; но сказываю вамъ напередъ, что ничего не знаю.

Не понимаю, сказала недавно Селимена, съ которою разговаривали о Петербургскихъ актерахъ, игравшихъ на Московскомъ театрѣ, какъ здѣшная публика могла осыпать рукоплесканіями А....? — Что же находите въ этомъ удивительнаго? отвѣчала ей Оргонъ; всякій готовъ ласкать и обезьяну любимой женщины. Извѣстно, что А... мужъ славной Филисы.

Одинъ остроумный мизантропъ, пишетъ Шанфоръ, разсуждая о развращеніи людей, сказалъ: Богъ послалъ бы намъ и второй потопъ, когда бы увидѣлъ пользу отъ перваго.

Видѣли-ли вы Французскаго Короля? спросилъ однажды Фридрихъ у д'Аламбера.—Видѣлъ, ваше величество, отвѣчалъ философъ.—

Что же онъ вамъ сказать? — Онъ со мною не говорилъ. — Съ кѣмъ же онъ говорить? спросилъ король съ досадою.

Н. смертный сынъ безсмертна Клію, то-есть историкъ, и, надобно прибавить, Русскій историкъ, находился однажды въ обществѣ, въ которомъ разсуждали о Вольтерѣ; всякой своимъ образомъ, хвалилъ сего великаго писателя. Н. спорилъ со всѣми, наконецъ, сказалъ: согласенъ, государи мои: Вольтеръ писалъ изрядно; вѣрьте однако, что я никогда не простилъ бы себѣ, если бы могъ усомниться, что напишу что-нибудь хуже его. Что же написалъ г. Н.? Бредни о Русской Исторіи. Вѣроятно, что книга Іоанна Масона о познаніи самого себя была ему неизвѣстна.

Галкинъ, добрый, но весьма простой человѣкъ, желаетъ прослыть пріятнымъ хозяиномъ — и для того самымъ страннымъ образомъ угощаетъ гостей своихъ. Напримѣръ, не умѣя съ ними разговаривать, онъ наблюдаетъ за каждымъ ихъ движеніемъ: примѣчается-ли, что одинъ изъ присутствующихъ желалъ бы кашлянуть, но не смѣетъ, опасаясь помѣшать поющей тутъ дамѣ, — и тотчасъ начинаетъ, хотя и принужденно, кашлять громко и долго, дабы подать собою примѣръ; видитъ-ли, что нѣкто, уронивъ шляпу, очень отъ того покраснѣлъ, и тотчасъ самъ роняетъ столъ; потомъ подходитъ съ торжественнымъ видомъ къ тому человѣку, для котораго испугалъ все общество стукотнею, и говоритъ ему: видите-ли, что со мною случилась еще ббольшая бѣда? Но часто онъ ошибается въ своихъ наблюденіяхъ. Напримѣръ, вчерашній вечеръ, когда мы всѣ сидѣли въ кружкѣ, онъ вздумалъ, не знаю почему, что мнѣ хочется встать, и тутъ же отодвинулъ стулъ свой; но вида, что я не встаю, сѣдился и вставалъ по крайней мѣрѣ двадцать разъ, и все по-напрасну. — И я нынче услышалъ отъ одного моего пріятеля, что онъ, говоря обо мнѣ, сказалъ: онъ добрый малый; но, сказать между нами, ужъ слишкомъ скромнень и стыдливъ.

Иные любятъ книги, но не любятъ авторовъ—не удивительно: тотъ, кто любитъ медъ, не всегда любитъ и пчелъ.

Панкратій Сумароковъ, удачный подражатель Богдановича въ каррикатурныхъ изображеніяхъ, коренной принадлежности Русскаго ума. Гдѣ Французъ улыбнется, Русскій захохочетъ. Французская эпиграмма хороша, когда задѣваетъ стрѣлою. Русская, когда хватитъ дубиною или ударитъ топоромъ. Французскіе глаза любятъ цѣбта нѣжные, но съ красивостью переливающимся; Русскіе радуются краскамъ хотя и грубымъ, но яркимъ. Посмотрите на наши комедіи: тутъ уму нечего догадываться, зрителю дополнять. Все не въ бровь, а въ самый глазъ; все таеъ глаза и колетъ; все высказано, выпечатано и перепечатано. То же можно сказать и о комическомъ духѣ Нѣмцевъ, Англичанъ, Испанцевъ, съ тою только разницею, что у насъ одинъ истинный комикъ, Фонъ-Визинъ, и то въ одной комедіи, а у тѣхъ существуетъ театръ народный.

Покойный Жолковскій, лучший комическій актеръ Варшавскаго театра, на обвиненіе, дѣлаемое ему, что онъ иногда слишкомъ плотно шутить, отвѣчалъ: „Вы, живописцы образованные, не знаете ремесла театральныхъ маляровъ; я зрителей своихъ знаю. Мои декораціи слишкомъ грубо писанныя для васъ, глядящихъ на нихъ вблизи или сквозь искусственное стекло, издали только-что въ пору для нихъ“. Многіе изъ читателей нашихъ также читають издали. Излишнія утонченности ускользають отъ нихъ. Они не любятъ блѣдной, воздушной красоты ни въ тѣлесномъ, ни въ духовномъ: давай имъ красоту дородную, кровь съ молокомъ.

Я увѣренъ, что злые поклонники солнца радуются пасмурному дню. При такомъ свидѣтелѣ и судѣ мудрено пуститься на худое дѣло. Солнце для нихъ тоже, что деревянные головы, вставленныя въ потолокъ въ Краковскомъ судилищѣ, которыя, какъ разсказываетъ преданіе, зывали къ царю: „Будь справедливъ!“ Хорошо и каждому изъ насъ завести бы у себя хотя по одной такой

головѣ. „На то есть совѣсть“, скажете вы. Конечно, тѣмъ болѣе, что у многихъ она одеревенѣла не хуже деревянной башки.

Мало имѣть хорошее ружье, порохъ и свинецъ; нужно еще умѣть стрѣлять и мѣтко попадать въ цѣль. Мало автору имѣть умъ, свѣдѣнія и охоту писать; нужно еще искусство писать. Писатель безъ слога,—стрѣлокъ, непопадающій въ цѣль. Сколько умныхъ людей, которыхъ умъ притупляется о перо. У иного зубъ остеръ на словахъ; на бумагѣ онъ беззубый. Иной въ разговорѣ уноситъ васъ въ потокъ живости своей; тотъ же на бумагѣ за душу васъ тянетъ. Шаховской, когда хочетъ васъ укусить, только что замуслить.

Слова—условленные знаки мыслей. Иныя имѣютъ въ глазахъ нашихъ цѣну существенную, вѣсовую и утвержденную временемъ и употребленіемъ; другія вводятся въ языкъ насильственно и цѣна ихъ условная. Государство не имѣетъ довольно звонкой монеты; оно прибѣгаетъ къ ассигнаціямъ. Языкъ не имѣетъ довольно коренныхъ словъ; онъ прибѣгаетъ къ словамъ составнымъ или относительнымъ. Для монетъ есть монетный дворъ, для словъ есть Академія; но она не выбиваетъ новыхъ словъ, а только свидѣтельствуетъ и клеймитъ старыя. Академія пробная палатка, но рудники: писатели. Когда годится ассигнація? Тогда, какъ пустившій ее въ ходъ за нее отвѣчаетъ и силою или довѣренностью, или другими средствами убѣждаетъ другихъ почитать ее тѣмъ, чѣмъ онъ ее выдаетъ. Или возьмемъ въ примѣръ марки клубныя, или городскихъ кассъ, употребляемыя въ иныхъ клубахъ и городахъ: внѣ общества, внѣ города, онѣ не имѣютъ никакой цѣны; но въ извѣстномъ кругѣ сіи марки почитаются настоящими представительными знаками денегъ и наравнѣ съ ними въ ходу. Отчего же бы по этому примѣру нельзя новому поколѣнію дополнить неимущество своего языка условленными звуками, преобразовавшими въ слова, долженствующія также, въ свою очередь, образовать глазамъ и ушамъ понятія,

еще не имѣющія выраженія на языкѣ? Въ финансовыхъ производствахъ скудость въ представительныхъ знакахъ, въ соразмѣрности съ потребностью, вознаграждается удвоеніемъ, утроеніемъ знаменованія представителя: то-есть, рубль дѣлается двумя рублями, и такъ далѣе. Въ языкѣ этого дѣлать нельзя, или по крайней мѣрѣ не должно. Слово, имѣющее два, три значенія, не годится ни на одно значеніе. Какъ же помочь? Иностранныхъ словъ брать не велятъ: отъ сего займа терпитъ народная спѣсь. Замѣтимъ, однако же, мимоходомъ, что Голландскіе червонцы у насъ въ ходу: кажется, было бы и слово чистаго золота, то брезговать не къ чему. Хуже отказываться отъ выраженія понятій намъ сродныхъ потому только, что они не приходили въ голову нашимъ предкамъ и чужды были ихъ вѣку. Какъ этимологи ни мучься надъ родословіемъ словъ — но все многія слова—звуки, выраженные на удачу, подкидыши на распутіи ума человѣческаго, которые послѣ того сдѣлались приемышами, а тамъ уже усыновлены и узаконены порядкомъ. Зачѣмъ же намъ оставаться бездѣтными? Мы боимся подставочнымъ поколѣніемъ оскорбить наслѣдственные права старшихъ братьевъ, которые, если разбирать строго, можетъ быть, окажутся еще ихъ беззаконнѣе. Въ дипломатикѣ употребляютъ же цифры произвольныя, не заботясь о томъ, что никакая грамматика, никакой Словарь Академическій не дали знакамъ этимъ права гражданства. Дѣло въ томъ, чтобы понимать другъ друга. Какое же вывести заключеніе изъ всего сказаннаго? То, чтобы въ случаѣ недостатка словъ для выраженія понятій, для наименованія вещей, намъ равно необходимыхъ, равно свойственныхъ, рѣшились бы хотя на какомъ-нибудь съѣздѣ писателей выбить изъ извѣстныхъ словъ и звуковъ новыя слова и безъ околичностей внести ихъ въ общій словарь Русскаго языка. Признаюсь, выведенное заключеніе нѣсколько напугать можетъ и не робкую душу самаго отчаяннаго неолога! Но какъ же помочь въ бѣдѣ? Впрочемъ, обращаюсь къ своему эпитафю и укрываюсь въ его засадѣ: „Кидаю мысли свои на бумагу, и справляйся онѣ, какъ умѣютъ“.

Я нашелъ у старика Сумарокова прекрасное слово: *зablужденники*, которое тщетно постѣ того искалъ и въ Словарѣ Академическомъ и въ другихъ писателяхъ. Подобныя прилагательно-существительныя—совершенная находка: у насъ въ нихъ недостатокъ, а они выразительны и полновѣсны.

„Витійство лишнее природѣ злѣйшій врагъ“, сказалъ въ отвѣтъ на оду Майкова тотъ же Сумароковъ, у коего вырывались иногда стихи не красивые, но правильные и полные смысла, а особливо въ сатирахъ. Вотъ примѣры:

Предъ низкими людьми свирѣпствуй ты какъ чортъ,
Простой народъ и чтить того, кто гордъ.

(*Наставленіе сыну*).

Мой предокъ дворянинъ, а я неблагороденъ.

(*О благородствѣ*).

Но чѣмъ увѣрять насъ о прабабкахъ своихъ,

Что не было утѣхъ сторонникъ и у нихъ.

„Сторонникъ утѣхъ“ забавное и счастливое выраженіе.

Однѣмъ рассказывать: другой замѣтитъ тожъ:

Все мелеть мельница; но что молола? Ложь.

(*О злословіи*).

Если издатели *Образцовыхъ Сочиненій* съ умысломъ перемѣнили стихъ Сумарокова о невѣждахъ, въ сатирѣ: *Пита и его другъ*:

Ихъ мѣсто никогда въ сатирѣ не записнеть,
въ стихъ:

Ихъ мѣсто никогда въ сатирѣ не записнеть,
то двойною виною провинились они: противъ истины и поэзіи. Выраженіе Сумарокова не щеголевато, но забавно и точно. *Мѣсто* не записнеть не имѣетъ никакого смысла. Иногда же онъ въ сатирахъ своихъ просто ругается; иногда, по нынѣшнему, либеральничаетъ и крѣпко нападаетъ на злоупотребленія крѣпостного владѣнія, напримѣръ:

Ахъ! должно-ли людьми скотинѣ обладать?

Не жалко-ль, можетъ быть людей быку продать?

„Тѣло врага умершаго всегда хорошо пахнетъ“, сказалъ Вителлій и повторилъ Карлъ IX. Случалось-ли вамъ радоваться паденію соперника, лакомиться чтеніемъ дурнаго сочиненія непріятеля вашего, заслушиваться разсказа подробнаго о непохвальномъ поступкѣ чловѣка, который сидитъ у васъ на шеѣ и на сердцѣ? Случалось-ли? Вѣрно: да! Случалось-ли въ томъ признаваться? Вѣрно: нѣтъ! И такъ не гнушайтесь вчужѣ чувствомъ Вителлія и Карла, а только дивитесь ихъ нескромному признанію.

Вережкинъ, сочинитель комедій: *Такъ и должно и Точь съ точь*, которая, какъ говорятъ, осмѣивала нѣкоторыхъ изъ Симбирскихъ лицъ и была представлена въ ихъ присутствіи. Переводчикъ *Корана*, издатель многихъ книгъ, напечатанныхъ безъ имени, а только съ подписью деревни его: Михалево, сдѣлался извѣстнымъ императрицѣ Елизаветѣ слѣдующимъ образомъ. Однажды, передъ обѣдомъ, прочитавъ какую-то Нѣмецкую молитву, которая ей очень понравилась, изъявила она желаніе, чтобы перевели ее на Русскій языкъ. „Есть у меня чловѣкъ на примѣтъ“, сказалъ Шуваловъ, „который изготovitъ вамъ переводъ до конца обѣда“, и тутъ же послалъ молитву къ Вережкину. Такъ и сдѣлано. За обѣдомъ принесли переводъ. Онъ такъ полюбился Императрицѣ, что тотчасъ же или вскорѣ за тѣмъ, наградила она переводчика 20,000 рублей. Вотъ что можно назвать успѣшною молитвою. Вережкинъ любилъ гадать въ карты. Кто-то донесъ Петру III о мастерствѣ его: послали за нимъ. Взявъ въ руки колоду картъ, выбросилъ онъ искусно на полъ четыре короля. „Что это значитъ?“ спросилъ Государь. Такъ фальшивые короли падаютъ передъ истиннымъ царемъ, отвѣчалъ онъ. Шутка показалась удачною, а гаданія его произвели сильное впечатлѣніе на умъ Государя. И на картахъ ему повсчастливилось. Въ слѣдъ за этимъ отпустили ему долгъ казенный въ 40,000 рублей. Императоръ сказалъ о волшебномъ мастерствѣ Вережкина императрицѣ Екатеринѣ и пожелалъ, чтобы она призвала его къ себѣ. Явился онъ съ колодою картъ въ рукѣ. „Я слышала, что вы чловѣкъ умный“, сказала Императрица, „неужели вы вѣруете въ подобныя нелѣпости?“ — Ни мало, отвѣчалъ

Верекинъ.— „Я очень рада“, прибавила Императрица, „и скажу, что вы въ карты наговорили мнѣ чудеса“. Онъ былъ великій краснбай и рассказчикъ, много живаль въ деревнѣ, но когда прїѣзжалъ въ Петербургъ, то съ шести часовъ утра приходяая его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣдъ или вечеръ; хозяева сзывали гостей на Верекина. Отправляясь на вечеринку или на обѣдъ, говорить, спрашиваль онъ у товарищей своихъ: „Какъ хотите: заставить-ли мнѣ сегодня слушателей плакать или смѣяться?“ И съ общаго назначенія то мориль со смѣха, то приводилъ въ слезы. Это похоже на Французскихъ говоруновъ стараго вѣка. Шамфоръ, Рюльеръ также были артисты рѣчи и разыгрывали свой разговоръ въ Парижскихъ гостинныхъ по приготовленнымъ темамъ. Верекинъ когда-то написалъ шутку на Суворова, въ которой осмѣиваль странныя причуды его. Суворовъ зналъ о ней. Верекинъ былъ въ военной службѣ, а послѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; былъ въ дружеской связи съ Фонъ-Визиномъ и уважаемъ Державинимъ, который былъ ученикомъ въ Казанской гимназіи, когда Верекинъ былъ ея директоромъ. „Помнишь-ли какъ ты называль меня болваномъ и тупицею?“ говориаль потомъ бывшему начальнику своему тупой ученикъ, переродившійся въ статсъ-секретаря и перваго поэта своей націи (Разсказано мнѣ родственникомъ его, генераломъ Верекинымъ, который послѣ былъ комендантомъ въ Москвѣ).

Напрасно Шлегель говорить въ своей драматургіи: „Если Расинъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что онъ отличается отъ Праксона единственно тѣмъ, что умѣеть писать, то жестоко былъ къ себѣ несправедливъ“. Конечно, должно дополнить это мнѣніе, но помнить притомъ, что Расинъ сказалъ это во Франціи: слогъ у Французовъ первая необходимость; у Нѣмцовъ, уже по другой крайности, онъ часто послѣднее условіе. Въ искусствахъ нельзя не цѣнить отдѣлки: Нѣмцы же все цѣнятъ на вѣсь. Поэтому и сужденія Шлегеля о Французскомъ театрѣ часто ошибочны и пристрастны: онъ судиль о немъ, и вообще Нѣмцы судять о Французской литературѣ не какъ знатоки или охотники, но какъ заимодавцы подъ вещи. Фран-

цужы выше всего ставяць ясность и щегольство слога; Корнель на театрѣ ихъ почти позабытъ. Грубый стихъ, дикое выраженіе, въ глазахъ ихъ грѣхъ неискунимый и переживаетъ, то-есть хоронитъ цѣлую поэму. Лемьеръ, авторъ поэмъ и трагедій, въ которыхъ есть точно существенное достоинство, извѣстенъ у нихъ частою стычкою несладкозвучныхъ согласныхъ, шероховатостью и проч. Нѣтъ Француза, который не зналъ бы этихъ стиховъ его:

Crois—tu d'un tel forfait Manco-Capac capable?
и Opera sur roulette et qu'on porte à dos d'homme.

И никто уже не заглядываетъ въ его творенія, оглашенныя подобными стихами. Уши Нѣмцовъ уживчивѣе. Вообще иностранцу можно, какъ наблюдателю, говорить о словесности чуждаго народа, но никогда не должно позволять себѣ излагать о ней судейскіе приговоры. Въ разсмотрѣніи тяжбы подсудимаго должно держаться уложенія, которому онъ подлежитъ, а нельзя съ своими законами идти на управу въ чужую землю.

Если не признавать цѣны отдѣлки, вкуса, свойственнаго такому-то народу и такому-то вѣку, какъ постигнуть уваженіе древности къ Анакреону? О нашемъ уваженіи уже не говорю: оно суевѣріе и присвоено нами по преданію. Переводить сухою прозою Анакреона, тоже что переложить на Русскія слова каламбуръ маркиза Біевра; а Гораций все еще живъ, во Французскомъ переводѣ, какъ ни душилъ его прозавикъ Батте.

Въ той же комнатѣ Англійской гостиницы Варшавской, въ коей Наполеонъ послѣ бѣдственнаго Русскаго похода давалъ свою достопамятную аудіенцію Прадту и нѣкоторымъ Полякамъ, былъ положенъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, трупъ Моро, во время переноса бранныхъ останковъ его въ Петербургъ. У судьбы много такихъ драматическихъ выходовъ.

Одно изъ любимыхъ чтеній Кострова было романъ *Вертеръ*. Когда онъ бывалъ на-веселѣ, заставлялъ себя читать его и заливался слезами. Однажды въ подобномъ положеніи, послѣ чтенія продиктовалъ онъ любовное письмо, во вкусѣ *Вертера*, къ прежней своей возлюбленной. Жаль, что не сохранился сей любопытный памятникъ переводчика *Илиады*. Костровъ не любилъ стиховъ Петрова: за чашею или послѣ чаши всегда слушалъ ихъ съ удовольствіемъ. Онъ былъ истинный чудакъ, и знавшіе его коротко рассказываютъ о немъ много забавныхъ странностей. Бывало входитъ онъ въ комнату пріятелей своихъ въ шляпѣ трехугольной, сниметъ для поклона и снова надѣнетъ на глаза, сядетъ въ уголъ и молчать. Только, когда услышитъ отъ разговаривающихъ рѣчь любопытную или забавную, то приподыметъ шляпу, взглянетъ на говоруна и опять ее насунетъ. Онъ такъ былъ нравами непороченъ, что въ домѣ Шувалова отведена была ему комната возлѣ дѣвичей. Однажды входитъ къ нему Дмитріевъ и застаётъ его на креслахъ передъ столомъ, на коемъ лежитъ Греческій Гомеръ, въ пергаментѣ, возлѣ Кострова горничная дѣвушка, а онъ спиваетъ разные лоскутки. „Что это вы дѣлаете, Ермилъ Ивановичъ?“ — „А вотъ, дѣвчата понадавали мнѣ лоскутья, такъ спиваю ихъ, чтобы не пропали“. Добродушіе его было плѣнительное. Его вывели на сцену въ одной комедіи, кажется, нынѣ покоящейся на обширномъ кладбищѣ нашего *Россійскаго Театра*, и онъ любилъ заставлять при себѣ читать явленія, въ коихъ представленъ онъ былъ въ смѣшномъ видѣ. „Ахъ! онъ пострѣлъ“, говаривалъ онъ объ авторѣ, „да я въ немъ и не подозрѣвалъ такого ума. Какъ онъ славно потрафилъ меня!“ Карамзинъ встрѣтился съ нимъ въ книжной лавкѣ, за нѣсколько дней до кончины его. Онъ былъ измученъ лихорадкою. „Что это съ вами сдѣлалось?“ спросилъ его Карамзинъ. — „Да вотъ какая бѣда“, отвѣчалъ онъ, „всегда употреблялъ горячее, а умираю отъ холоднаго“. Онъ сказывалъ о себѣ, что онъ сынъ дьячка, но на первой одѣ его напечатанной выставлено, что сочинена крестьяниномъ казенной волости (Все сказанное о Костровѣ слышано отъ И. И. Дмитріева).
